

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Введение	11
1 Мои ранние годы	21
2 Детство в Африке	37
3 Европа и начало войны	52
4 Британия и начало военной работы	67
5 Новая служба	80
6 Прощай, Англия	98
7 Здравствуй, Франция	116
8 Новая личность	130
9 Странная другая жизнь	145
10 Поймай, если сможешь	159
11 Арест и допрос в гестапо	176
12 День Д	188
13 Смерть и разрушения	197
14 Время уходить	217
15 Здравствуй, Англия	236
Эпилог	246
Благодарности	253
Приложение I. Сведения о службе и наградах Пиппы	269
Приложение II. Мемориалы агентам УСО	272
Приложение III. Женщины — агенты секции F	276

Эта книга — мемуары Пиппы, основанные в первую очередь на ее воспоминаниях, которые были дополнены, где возможно, историческими документами и информацией из других источников. Тем не менее пробелы в памяти неизбежны и не все детали поддаются проверке. Местами в интересах повествования диалоги были реконструированы.

ФРАНЦИЯ, 1940–1944

- Военная администрация в Бельгии и Северной Франции
- Территории, аннексированные Германией
- Зона немецкого расселения
- Итальянская оккупация после ноября 1942 года

- Прибрежная военная зона
- Демаркационная линия

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Специальной воздушной службе Новой Зеландии Пиппу очень любили. Хотя с годами женщина неизбежно постарела, ее дух оставался молодым. Помню, как на свой столетний юбилей она радостно сообщила, что прошла медицинское обследование и все еще может водить автомобиль.

Нас, сотрудников спецслужб, в первую очередь привлекали независимый характер Пиппы, ее негибкая воля, а еще — озорной блеск в глазах. Втайне мы все надеялись, что сможем в старости сиять хотя бы наполовину так ярко, как она. Но даже мы — как бы ни любили Пиппу и как бы ни доверяли нашему окружению — слышали лишь отрывки ее истории. Возможно, ее хороший друг, майор Дэвид Хопкинс, знал больше. Но Дэвид, преданный ей до конца, лишь намекал на ее подвиги — подробностей никогда не раскрывал.

Так что эта книга — уникальный шанс взглянуть на жизнь последнего агента Управления специальных операций Великобритании (УСО), действовавшего в тылу врага во Франции. Можно сказать, что, написав эту книгу, Пиппа исполнила свой последний гражданский долг, внесла последний вклад в свободу. Это удивительный рассказ одной из самых

замечательных женщин, которых я когда-либо встречал. Как однажды сказал Селвин Джепсон, офицер по отбору в Секцию F (Франция) УСО, «женщины способны на большее хладнокровие и смелость в одиночестве, чем мужчины». История Пиппы, мастерски рассказанная на следующих страницах, не оставляет никаких сомнений в истинности этого утверждения.

Наконец рассказав свою историю, Пиппа отдала дань уважения храбрым женщинам из УСО и их французским гражданским союзникам, которые пострадали — а зачастую и погибли — за нашу свободу. Надеюсь, что эта книга вдохновит других молодых людей, особенно женщин, проявлять мужество, отстаивать свои ценности и, столкнувшись с грозными испытаниями, обращать их в пламя.

*Крис Парсонс, член Новозеландского ордена Заслуг (MNZM),
кавалер ордена «За безупречную службу»,
командующий Особой воздушной службой Новой Зеландии
(2009–2011)*

ВВЕДЕНИЕ

Меня зовут Филлис Ада Латур, в последние годы жизни я была известна многим как Пиппа, и мне 102 года. Меня также знают и под другими именами — кодовыми и псевдонимами, — потому что во время Второй мировой войны я была секретным агентом. Это мои мемуары, в которых я наконец рассказываю историю того периода моей жизни, когда я работала в тылу врага во Франции 80 лет назад. Это та часть моей биографии, которую я до сих пор намеренно никому не раскрывала: ни мужу (когда он у меня был), ни детям — даже когда они стали взрослыми.

Скорее всего, так бы все и осталось, что вполне меня устраивало, если бы около 20 лет назад мой старший сын не наткнулся кое на что обо мне в интернете. Если бы не появился интернет — чего я, конечно, не могла предвидеть, когда в 1945 году приняла решение никогда не говорить об этом периоде моей жизни, — мое желание сохранить все в тайне, скорее всего, осталось бы неизменным. Я полагаю, то, что я делала на войне, никого не касается. Это мое личное дело. И только мое.

Моему сыну пришлось обсудить свою находку с младшим братом: он беспокоился, что у матери могут быть проблемы, — именно поэтому я никогда не говорила им об этих страницах своей биографии. Он прилетел в Новую Зеландию (где я сейчас живу, как и его младший брат), чтобы встретиться с братом. Они решили поговорить со мной и задали два очевидных вопроса. Та самая шпионка времен Второй мировой войны, Филлис Латур, и их мать с тем же именем — один и тот же человек? И если это так (как они и предполагали), почему я никогда им об этом не рассказывала? Я не могла обманывать сыновей, когда они спросили меня напрямую. До этого я просто выбирала, о чем им говорить, а о чем нет. Делилась только тем, что считала необходимым. Говорила, что была оператором заградительных аэростатов Женской вспомогательной службы в Королевских военно-воздушных силах (RAF), и это не было ложью: я действительно проработала в этой должности три года. Я почти уверена, что рассказывала им и о своей более ранней работе в отделе документации Королевского флота. Но о том, что происходило на более поздних этапах войны и в Управлении спецопераций, я не упоминала. А мой бывший муж? Я решила ничего ему не говорить, потому что видела, как вольно он обходится с конфиденциальной информацией, которую ему доверяли другие. Я подумала: если он так общается с чужими секретами, то уж точно не сможет сохранить мою тайну.

* * *

Прежде чем я начну рассказ о своей жизни, нужно немного пояснить, что такое УСО. В июне 1940 года премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль создал Управление специальных операций с использованием подпольной армии для ведения секретной войны на оккупированных врагом территориях Европы и Азии. Целью УСО были

шпионаж, саботаж и разведка в оккупированной Европе (а позже — и в Юго-Восточной Азии), а также поддержка местных движений Сопротивления. Существование этого управления намеренно держали в секрете. О нем не было широко известно, хотя в нем служило около 13 000 человек, из которых около 3200 были женщинами. Я была одной из них, и мне предстояло работать оператором беспроводной связи, или радистом, на севере Франции, чем я и занялась в 1944 году.

Тем, кому, как и мне, предстояло работать по ту сторону Ла-Манша, Черчилль дал указание «поджечь Европу». Проведение диверсий в тылу врага, передача разведанных в Англию требовали от нас смелости, стойкости и находчивости. Мы работали с местными силами Сопротивления, и это поднимало их моральный дух. Они справедливо задавались вопросом, когда же закончится эта ужасная война.

Во Франции, будучи другими личностями, с поддельными документами, мы, как агенты УСО, преодолевали сотни километров пешком, на велосипедах или на поездах, находясь под постоянной угрозой ареста гестапо в случае разоблачения. Это была изнурительная работа, которая всегда сопровождалась риском предательства со стороны двойных агентов и перебежчиков. Мы с трудом могли кому-то доверять.

В этом не было никакой романтики; не нужно думать обо мне или моих коллегах как о ком-то вроде агента 007. Наша работа заключалась в том, чтобы исчезнуть — слиться с окружением и не привлекать внимания. И уж точно это занятие не помогало обзавестись друзьями в высоких кабинетах; скорее наоборот. Отношения между УСО и Секретной разведывательной службой Великобритании (SIS, теперь известной как MI6) были довольно напряженными, и Министерству иностранных дел приходилось это учитывать. SIS относилась к УСО с некоторым подозрением. В то время я этого не знала, но сэр Стюарт Мензис, глава SIS, неодно-

кратно утверждал, что агенты УСО были «непрофессиональными, опасными и коварными», и говорил, что, когда мы взрываем мосты и фабрики, мы мешаем проведению их операций по сбору разведанных. SIS предпочитала работать тихо, через свои каналы связи и влиятельных людей, в то время как методы работы УСО были более прямолинейными. Мы также часто поддерживали антиправительственные организации, в частности коммунистов; во Франции я могла по-настоящему доверять только коммунистам. После войны я также узнала, что Командование бомбардировочной авиации и УСО не всегда сходились во взглядах.

Хотя все эти заинтересованные стороны оказывали огромное внутреннее политическое давление на формирующуюся организацию, у УСО был союзник — Черчилль; «Секретная армия Черчилля» не только выжила, но и процветала на протяжении всей Второй мировой войны. Во Франции нас тоже не ждали с распростертыми объятиями. Генерал де Голль никогда не горел желанием признавать нашу значимость, и мы остро чувствовали это на местах. Оглядываясь назад, я понимаю, что тогда, в 1944 году, вела странное и одинокое существование. Я могла полагаться только на себя. От представителей высших слоев британского истеблишмента до простых людей, с которыми я сталкивалась во Франции (включая тех, кто находился между этими двумя полюсами), доверяла я очень немногим. В мои 20 с небольшим эта привычка укоренилась во мне как базовый инстинкт выживания.

* * *

Перенесемся на 60 лет вперед. Мне 80, и я много лет спокойно, не вспоминая обо всем этом, живу в Новой Зеландии. Мои сыновья были поражены, когда узнали о моей службе, в связи с чем, честно говоря, между нами возникли разногласия. Им было обидно, что их мать решила не посвящать их

в свои секреты. Когда они пришли ко мне поговорить, я изо всех сил старалась объяснить, что я не просто так не хотела об этом рассказывать — причина была куда более серьезная. Я дала клятву не разглашать никакой информации о своей военной службе в УСО. Я знала, что должна сдерживать обещание, а значит, не могла говорить об этом ни одной живой душе — даже в своей семье. Я обязана была соблюдать Закон о государственной тайне, и я не хотела рисковать. Эти истории были известны только мне и горстке доверенных людей, с которыми я тогда разделяла это адское существование. Мне не хотелось возвращаться к тому периоду. Я похоронила эти чувства. Воспоминания, заставлявшие меня просыпаться в поту, к тому времени стали редкими.

После войны я просто исчезла. Мне удавалось не привлекать к себе внимания в военное время, поэтому раствориться среди людей в послевоенной жизни было не так уж сложно. Кроме того, все это было крайне изматывающим — как морально, так и физически — и мне уже поперек горла стояли все эти двойные агенты, коллаборационисты и попытки выяснить, кому можно верить. Я вела свою собственную войну внутри войны — вот я во Франции, и даже среди французов я могла доверять только коммунистам. Сейчас люди этого не понимают, но тогда все было именно так.

Когда закончилась война, я была готова двигаться дальше и поклялась, что больше никогда не вернусь во Францию после того, как уехала оттуда в октябре 1944 года. И я сдержала слово. Меня не раз спрашивали, вернусь ли я, и ответ всегда был решительным: «Нет».

Я молчала о своем опыте, но другие, похоже, поступили иначе. Я слышала, что некоторые люди хотят получать медали за то, что они делали на войне; некоторые говорят неправду, а кто-то пишет неправду. Я просто думала: «Чушь — опять какая-то чушь!» Если уж решили об этом писать, то пишите правду — но правда некрасивая; она неприятная.

Эта книга рассказывает правду о моей войне. Я последняя живая женщина, работавшая в Секции F, и мне нужно рассказать о том, что тогда происходило, прежде чем я умру. Я хотела бы оставить после себя свою историю, чтобы молодые женщины могли узнать, каково мне было тогда.

* * *

Я горжусь тем, что была женщиной в мире, который был преимущественно мужским. Из 430 агентов УСО во Франции только 39 были женщинами, и 14 человек из нашей группы так и не вернулись. Мы все были очень разные — вероятно, потому, что отбирали кандидатов по способностям к языкам, а значит, среди нас не было обычных молодых англичанок. Мы были разного происхождения: британки, француженки, польки, финки, американки или, как в моем случае, южноафриканки. Мы были разной веры — иудейки, мусульманки, католички и т. д. Некоторые из нас были молоды и не замужем, другие уже обзавелись мужьями и детьми. Некоторые работали продавцами, другие — журналистами. У меня даже не было возможности устроиться на работу, потому что мне было всего 18, когда началась война, которая и оказалась моим главным делом.

Однако нас, женщин, объединяло одно: это была опасная работа и на нас возлагались большие надежды — именно мы могли сделать то, чего не могли наши коллеги-мужчины: выжить. Мы все знали, что ожидаемая продолжительность жизни мужчины-радиста в оккупированной Франции составляла всего шесть недель. Нам не раз объясняли, что шансы вернуться назад были приблизительно 50 на 50. Удивительно, что кто-то из нас действительно согласился на эту работу, — я не уверена, что сегодня мы решились бы на такое. Но в военное время все по-другому. Мы все вносили свой вклад и сражались за то, во что верили, давая отпор жестокому натиску врага.

В отличие от других спецподразделений, оперативники УСО носили гражданскую одежду. Один этот факт означал, что в случае захвата нас могли расстрелять как шпионов, и мы подвергались риску пыток со стороны оперативников гестапо, которые выуживали бы из нас информацию. Все это исходило из печально известного «Приказа о коммандос», который Гитлер издал в октябре 1942 года. Он гласил, что любой коммандос, или диверсант, взятый в плен, независимо от того, был ли он в форме или нет, будет считаться шпионом — даже если пытался сдаться в плен. Его должны были немедленно передать гестапо или СД (Службе безопасности рейхсфюрера СС — еще одной нацистской разведывательной организации) и срочно казнить.

Я никогда не могла отделаться от этой отрезвляющей мысли. Как женщины, мы были еще более беззащитны, если бы нас поймали и не казнили бы на месте. Со многими мужчинами — агентами УСО немецкие власти обращались гораздо лучше, чем с нами, — возможно, потому, что в то время на женщин не распространялась Женевская конвенция. Женщины из УСО, которые не выжили, умерли ужасной смертью, перенесли неопишуемые пытки.

Однако надежда была на то, что женщины обладают способностью лучше вписываться в общество и вызывать меньше подозрений. Мы также могли свободнее передвигаться: множество французских мужчин трудоспособного возраста были отправлены в Германию на принудительные работы, и потому любые новые мужчины вызывали среди местных явное недоверие. Указание использовать женщин исходило от самого Черчилля, и Селвин Джепсон, рекрутер французской секции УСО, поддерживал эту идею. После войны Джепсон говорил: «По моему мнению, женщины намного лучше мужчин подходили для этой работы. Женщины в большей мере, чем мужчины, способны на хладнокровие и смелость, когда действуют в одиночестве». Многие мужчины просто не верили, что жен-

щины могут служить в тылу врага. По их мнению, это было не место для прекрасного пола; они, вероятно, думали, что мы в любом случае на это не способны. Я, например, чувствовала это отношение и на разных этапах обучения, и «в поле» и всегда хотела доказать обратное.

Сбор разведданных с фронта был для военных действий так важен, что женщины внезапно стали полезны на передовой, а не только в тылу. Однако попасть в самую гущу событий было не так-то просто: уставы британской армии, флота и Королевских военно-воздушных сил запрещали женщинам участвовать в вооруженных боях. Политикам того времени требовался обходной путь — и мы присоединились к добровольцам из Корпуса сестер милосердия. Эта удивительная группа женщин заслуживает своего места в истории. Численность корпуса во Вторую мировую войну составляла 6000 человек, из которых 2000 были также и членами УСО. Я могла связаться с группой сестер милосердия УСО в любое время дня и ночи из оккупированной Франции, зная, что они услышат меня и ответят. Не могу передать, насколько эти замечательные женщины были важны для меня. Они были моей невидимой надежной опорой в Лондоне, частью тех прежних времен, о которых я часто вспоминала, задаваясь вопросом, смогу ли я когда-нибудь снова к ним вернуться.

* * *

Я была первой (и единственной) женщиной, которую американцы забросили в тыл врага в одиночку, и всего лишь второй женщиной, которая вообще когда-либо выполняла такую миссию. (Первой была Нэнси Уэйк — ее отправили туда на пару дней раньше меня.) Оказавшись там, я проводила дни, перемещаясь с места на место, используя разведывательную сеть «Сайентист» своего коллеги — агента УСО Клода де Бессака, лишь когда это было необходимо; в отли-

чие от других радистов — операторов беспроводной связи на том этапе войны, которые обычно оставались на месте и были привязаны к группе. Я также оказалась одной из последних женщин-агентов, покинувших Францию после ее освобождения.

Хотя я все еще считаю, что моя военная работа на самом деле никого не касается, я понимаю, что должна рассказать свою историю, прежде чем она умрет вместе со мной. В 2024 году, когда выйдет эта книга, исполнится 80 лет со дня высадки в Нормандии — и, возможно, тех из нас, кто вспомнит этот день, останется не так много. Я его помню.

Меня заверили, что Закон о государственной тайне больше не служит мне препятствием. Поэтому я хотела бы расставить точки над *i* (если где-то остались неточности) и рассказать свою собственную историю, которая, по моим ощущениям, происходила не так уж давно (хотя с тех пор прошло уже много десятилетий). Понимаю, что, если сам не выскажешься, эту пустоту заполнят другие и будут говорить то, чего никто не оспорит; причем они могут быть искренне уверены в своей правоте, тогда как на самом деле это не так. У меня до сих пор нет интернета, и он мне не нужен. Но я хочу, чтобы моя история была записана — для тех, кому интересно, что на самом деле происходило во время Второй мировой войны.

И чтобы просто предвосхитить ожидания — когда люди узнают мою историю, то часто спрашивают: «Сколько немцев вы убили?» Я всегда смотрю им прямо в глаза и говорю: «Ни одного». На самом деле, правильнее было бы ответить: «Напрямую — ни одного». Множество людей я убила косвенно, с помощью информации, которую отправляла в Англию и которая впоследствии приводила к воздушным атакам. Не знаю, разочаровываю ли я людей своим ответом. Мне кажется, довольно странно задавать такой вопрос человеку, которого едва знаешь. Смерть травмирует — чтобы

получить эту травму, не обязательно лично кого-то убивать. Я стала свидетелем более чем достаточного количества смертей и разрушений; иногда они происходили из-за меня, иногда вопреки мне, а иногда просто потому, что наступила среда и гестапо пришло в деревню, схватило наугад несколько человек и тут же их расстреляло. Помните: я не была шпионкой в духе Джеймса Бонда. Я была секретным агентом, чья работа заключалась в том, чтобы смешаться с толпой и сеять хаос.

Моя история началась в Южной Африке, прошла через множество стран и сменила много имен, прежде чем завершиться в Новой Зеландии 102 года спустя. Здесь я расскажу о некой Пиппе Латур, которая появилась на свет как Филлис в 1921 году и провела необычное детство в Африке, подготовившее ее к столь же необычной военной службе. Думаю, мне нравится быть немного необычной — даже сейчас. Мне это идет.

Пиппа Латур
Сентябрь 2023 года

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru